

«И если не теперь - то когда?»

Евгений Сатановский, член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра

Восток испокон веков таил в себе загадки. Люди, изучающие его тайны, увлеченные и увлекающиеся разносторонние личности. Одним из представителей этого сообщества является Евгений Сатановский, человек с удивительной жаждой поисков исторических артефактов и способностью одаривать науку новыми взглядами на произошедшие события.

Интерес к Израилю – интерес к Ближнему и Среднему Востоку. Интерес к региону возник из обычного юношеского интереса к собственным корням. В ранние институтские годы заинтересовался этим - и ничего не нашел. Литературы по истории еврейского народа практически не было, в СССР эта тема оставалась закрытой. В результате – собирал по крохам. А изучение истории и этнографии евреев, еврейской цивилизации и связанных со всем этим сюжетов привело к Государству Израиль и его положению в современном мире. Занимаясь Израилем, вы неизбежно выходите на изучение арабского мира, Ирана и Османской империи. Так постепенно и вошел в ближневосточную проблематику. А затем, во времена развала Советского Союза многие архивы выбрасывались, так как помещения нужно было освобождать для коммерческих нужд. Институт мировой экономики и международных цивилизаций предложил забрать фонды, связанные с Израилем. Заодно забрали и все архивы, связанные с Ближним Востоком, накопленные еще академиком Иноземцевым. Хранить их было особенно негде – но отправить на помойку – преступно. Так и храним до сего дня – вот уже 20 лет. Так интерес к собственному происхождению перерос в изучение Ближнего и Среднего Востока, хотя научные исследования в этой сфере были нехарактерны для моей семьи, по большей части состоявшей из металлургов и флотских офицеров.

Семейное древо. Вообще-то мы из Екатеринослава – нынешнего Днепропетровска. Один из моих прадедов, родившихся до революции, был кузнецом, другой - крупным купцом и меценатом. Дед строил базы для подводных лодок и военно-морские порты, был награжден орденом Ленина за Сталинградский арсенал. Отец был инженером-конструктором металлургического оборудования, одним из создателей системы непрерывной разливки стали, автором более сорока патентов, которые легли в основу заводов по всему миру, от Японии до Алжира. А мама, профессионально владея английским языком, занималась оформлением технических материалов. Большое государственное и партийное начальство у нас в семье относится к эпохе революции, 20-м и 30-м годам. Кого-то в итоге расстреляли,

кто-то сгинул в лагерях, а остальные – погибли на войне. Была отдельная веточка семьи, связанная с цирком. Бабушкин брат, вернувшийся после войны на одной ноге, не мог больше быть низовым в пирамиде, и стал главным администратором Ростовского цирка. В раннем детстве я был на редкость счастливым ребенком – мог попасть за кулисы, увидеть тигров и львов Запашного, медведей Эдера и Филатова, клоунов. До сих пор помню свою встречу с Юрием Никулиным. Мне было пять лет, он казался мне человеком невероятного роста и вызывал благоговение. Величайший из коверных, Юрий Никулин, был для меня – как и для любого ребенка моих лет - царь, бог и воинский начальник.

Ученый и меценат, нежели бизнесмен. Я пошел в инженеры, окончил Московский институт стали и сплавов. Отработал десяток лет в металлургии - в качестве инженера в Государственном институте по проектированию металлургических заводов, а потом рабочего в горячем цеху на заводе «Серп и молот». Опыт работы в черной металлургии помог в

перестроечные времена, когда государственная система разваливалась, создать совместно с друзьями бизнес, отчасти заменивший Госснаб и Госплан. Так в 1989 г. возникла группа «Ариэль», сегодня специализирующаяся на металлоторговле. За эти два десятилетия мы много чего построили в России и с нуля создали компанию, которая занимает место в первой десятке компаний в своем секторе экономики. Металлургия дает средства на жизнь и многочисленные академические и общественные хобби, среди которых - Институт Ближнего Востока,

президентом которого я являюсь, и в этом качестве известен куда больше, чем в качестве бизнесмена.

Институт Ближнего Востока. Увлечения юности привели к созданию Института изучения Израиля. По мере того, как развивалась его научная деятельность, стали приходить специалисты, которые не смогли после развала Советского Союза найти полноценное применение своим знаниям. Они и предложили заниматься не только Израилем, но и всем Ближним и Средним Востоком. Расширив сферу деятельности, мы переименовали институт в Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. А после того, как Израиль окончательно

интегрировался в регион, мы перестали его выделять и институт стал называться просто Институтом Ближнего Востока. За последние 20 лет институт превратился в уникальную межведомственную команду, которая объединяет людей, изучающих процессы, идущие в регионе от Марокко и Мавритании до Пакистана, от Сомали и до российской границы. Я лично человек любопытствующий, поэтому все, что происходит в Африке, Азии, Латинской Америке и бассейне Тихого океана для меня не менее интересно, чем то, что происходит на Ближнем Востоке. Но на это уже сил и средств не хватает, так как институт финансируется за счет собственных внутренних резервов. Мы принципиально не берем ни зарубежных, ни российских грантов, что и дает свободу действий.

ПИР-Центр - уникальная команда. ПИР-Центр создает вне Российской Академии Наук одну из трех лучших политологических команд в России. Двумя другими полагаю журнал *Россия в глобальной политике* и наш институт. ПИР уникален тем, что он занимается системой вопросов ядерного нераспространения и оружия массового поражения – глобальными темами безопасности. Те направления, которые разрабатывает ПИР-Центр в последнее время, публикуя журнал *Индекс Безопасности*, делает из него вестернизированную в лучшем смысле этого слова современную исследовательскую структуру. Из таких только и может сложиться что-то толковое в отечественной практической науке, в тесном контакте с госведомствами, академическими и учебными заведениями. Мне доводится участвовать в жизни ПИРа, участвуя в мероприятиях и читая лекции на Международной летней школе по проблемам международной безопасности. Летняя школа - отличный способ собрать талантливых молодых людей со всей России и стран СНГ. Единственный недостаток – слишком мало отведенного времени. Там интересно было бы прочесть курс, который читаю с 1998 года в МГУ в Центре иудаики и еврейской цивилизации, который пять лет назад был переименован в кафедру Иудаики Института стран Азии и Африки (ИСАА).

В детстве мечтал быть археологом. Помимо Ближнего Востока увлекаюсь этнографией, компаративистикой и много чем еще. С 2000 года, довольно много средств было вложено в археологические экспедиции. Стать археологом самому не сложилось, но удалось поддержать людей, которые лучше меня разбираются в этнографии, археологии, сравнительном языкознании. Одним из таких направлений был «Хазарский проект», который до сих пор

действует. Хазарская тема со времен Сталина была тяжело политизирована. Раскопки, свидетельствующие об отличной от принятой столпами отечественной идеологии версии раннего периода русской государственности, были в советское время закрыты. В реальной-то жизни север европейской части страны - сплошные шведские конунги, а юг и центр - Хазария, где правила элита, исповедовавшая иудаизм, а уже под ней находились славяне, кавказцы и турки. Нам удалось возобновить археологические работы. Большое число находок хранится в «Эрмитаже», огромная коллекция образовалась в Государственном Историческом музее, не столь уникальные, но исключительно ценные с исторической точки зрения артефакты представлены в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ).

Поддержка проектов. Помимо археологических проектов, я поддерживал и продолжаю поддерживать инициированный покойным Сергеем Старостиным проект «Вавилонская башня» – один из интереснейших в современной мировой гуманитарной науке, который в рамках восстановления праязыка человечества решает проблему глубокого родства языков. От покойного Виталия Гольданского достался в наследство проект «Биопоз», в рамках которого исследуется происхождение жизни на Земле - при каких граничных условиях неживая материя становится живой. Мне довелось участвовать в организации работы журнала «Диаспоры», у истоков которого стояли Сергей Арутюнов и Виталий Дятлов, занимающегося современными этническими диаспорами нашей страны и зарубежья, поддерживать издание книг, создавать кафедры, научные центры, архивы и библиотеки – в т.ч. активно поддерживать Центр восточных литератур РГБ. В немалой мере этому способствовало активное участие в становлении еврейской общины России, в т.ч. в качестве одного из создателей, а затем – президента Российского еврейского конгресса. В нынешней ситуации, когда приходится сокращать издержки, благотворительная помощь ограничивается, но в этом можно найти свои плюсы: больше внимания уделяю бизнесу, Ближнему Востоку и семье.

Чтение стало такой же привычкой, как еда. Я много читаю. Книги об истории и этнографии, о природе и окружающем мире в целом, художественную литературу – в т.ч. фантастику и фэнтези. Очень много приходится читать профессиональных работ по ближневосточным темам. Из современной российской прозы люблю Михаила Веллера, с которым дружу, Матвея Ганапольского, Дмитрия Быкова. С огромным интересом читаю Сергея Лукьяненко, которого открыл по «Дозорам». Хожу в театр – в последнее время на гениальный «Квартет И». Жду, как и многие, фильм Алексея Германа «Трудно быть богом» по роману братьев Стругацких. В очереди на прочтение стоят свежкупленные «Атлас офицера», Ли Якокка, Киплинг, два сборника стихов, полученные в подарок от восхищающего меня с юности Александра Городницкого и изданные ИБВ книги по израильским поселениям Велвла Чернина и по левым партиям и движениям Израиля Алека Эпштейна.

Отдых – это перемена работы. Я по природе своей бродяга и много езжу с друзьями по миру, уделяя особое внимание национальным паркам и средневековым городам. А дома люблю джаз и блюз, последний – изумительно хорош в «Доме у дороги». Люблю «Гнездо глухаря», где собираются поклонники КСП - музыкального и поэтического течения, на котором прошла моя молодость. Обустраиваю свою маленькую усадьбу в Берендеевке, по мере сил мороча голову архитектору, дизайнеру, ландшафтнику и строителям в процессе создания построек в стиле «русский модерн», окруженных восточным садом со всеми его японскими и китайскими уголками. С удовольствием экспериментирую с едой – любого этнического происхождения, лишь бы это была не «молекулярная кухня», хотя предпочитаю то, к чему привык с детства. Равнодушен к спиртному и не пью крепких напитков, хотя могу пригубить хорошее вино, пиво или сакэ. И, наконец, я страстный собачник и мой двухкиллограммовый пекинес (девочка) прекрасно это понимает и успешно использует.

Быть дедушкой это замечательное ощущение. Семья наша в декабре 2010 г. пополнилась замечательным малышом. У меня это первый внук и сейчас для всех нас важнее всего этот крохотный ребеночек. Состояние «дедушка» - отдельная и очень любопытная форма существования. Возникает понимание того, зачем вы живете, и ощущение того, что надо жить подольше, потому что теперь в этом есть дополнительный смысл.

Гармония в несовершенном мире. Предпочитаю жить в гармонии с собой и окружающими. Мир несовершенен, но жить-то надо. В юности находил опору в латинском *Dum spiro, spero!* – «Пока дышу, надеюсь!». Как говорил мой первый шеф: «Если к жизни относиться без оптимизма – из нее живым не выйти». Ну, а сегодня, пожалуй, больше всего по мне слова рабби Гиллеля, сказанные более 2000 лет назад: «Если не я за себя, то кто за меня? Если я только за себя, тогда зачем я? И если не теперь, то когда?».

Любовь Солдаткина

январь 2011